

Игорь Шиповских

**Сказка о бравом
пареньке
Ермолке и его
друге вольном
соколе**

новелла-сказка

Игорь Дасиевич Шиповских
Сказка о бравом пареньке
Ермолке и его друге вольном
соколе. Новелла-сказка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39489640

ISBN 9785449392572

Аннотация

Сказка о самородном таланте и негданном переполохе из-за него, о дружбе двух совершенно неожиданных товарищей и их преданности друг другу, о невероятных приключениях и даже участии в этом неземных изобретений. А действие этой захватывающей истории происходит в нашем государстве во времена царя-батюшки, который, кстати, стал неким катализатором всего случившегося, хотя главными героями этой сказки являются, конечно же, более даровитые, умелые и талантливые люди...

Содержание

1	5
2	8
3	12
Конец ознакомительного фрагмента.	18

**Сказка о бравом
пареньке Ермолке и его
друге вольном соколе
Новелла-сказка**

**Игорь Дасиевич
Шиповских**

© Игорь Дасиевич Шиповских, 2018

ISBN 978-5-4493-9257-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Случился как-то в давние времена в нашем царстве, в Российском государстве, шумный переполох, и до того шумный что его отголоски аж до самого царя-батюшки докатились. А виновником тому переполоху стал один очень забавный паренёк со звучным и весёлым именем Ермолка по прозвищу Колокольчик. Уж такой парень был, что просто молодец, да и только. И всё-то в нём ладно было; и ростом-то он высок, и в плечах широк, и душой прекрасен и даже лицом благообразен.

Однако, невзирая на все эти достоинства, имелся у него довольно-таки весомый недостаток. Уж больно он любил пофантазировать да помечтать. А оттого, с ним постоянно случались всякие несуразные ситуации, подобные той шумной сумятице, что не оставила равнодушным не только царя-батюшку, но и большую половину народу государства нашего. А начиналась эта сумятица очень даже прозаично и заурядно.

Сидел как-то Ермолка после обеда на завалинке своего родного дома. Как всегда мечтал, фантазировал, семечки лузгал, да ворон считал. И было это его обыкновенным времяпрепровождением, потому как постоянной работы у него не имелось, а всем его занятием считалось только то, что под присмотром тамошнего дьяка Кузьмы прислуживать в со-

седней церковной лавке. Да и то, заняться это было пустяковым. Мастерил он там разные безделицы, собирал огарки восковых свечей, плавил их да в плитки складывал.

А ещё, на малые колокольцы, что с городской кузни в лавку свозили, языки подвешивал и на звук их пробовал. И вот это занятие Ермолке очень нравилось. Оттого-то и прицепилось к нему прозвище «Колокольчик». Слух у него был особенный, музыкальный. Вот местный батюшка Ферепонт и приспособил Ермолку на колокольцах мелодичное звучание настраивать. А за эту его способность он ссужал ему медные монетки да снабжал кой-какой снедью. На то Ермолка и жил да не тужил. С утра помастерит немного, свечи поплавит, колокольцы настроит, языки им понавешает, а после обеда сидит себе на завалинке да фантазирует.

Вот и в этот раз сидел так Ермолка, семечки лузгал, отдыхал, фантазировал, мечтал, и уж так распалился, что захотелось ему полетать, аки птицы летают. Смотрит он на скворцов, что на соседней берёзке с ветки на ветку перескакивают да галдят безумолку, и думает.

– Вот ведь скворцы,... что же за птицы, летают себе беззаботно и летают,... знай, крыльями машут,... а ведь они так же, как и я, семечки пощёлкать любят,... вон их осенью на подсолнухах сколько пасётся. Так может и я, как они летать смогу,... ну чем я хуже их! Мне бы только крылья справиться,... я бы и полетел! Ох, уж я бы тогда высоко поднялся,... а оттуда с небес посмотрел бы на всё,... и на город,

и его улочки, и на реку широкую и на рощу далёкую! Это не то, что с колокольни глядеть, ... что проку в ней, лазил я на неё, ... оттуда лишь окрестности видать. А тут я бы на весь мир посмотрел, ... и не только посмотрел, но и себя бы показал, ... сверху крикнул бы всем людям, ... вон, мол, смотрите, каков я, ... летаю! – вдохновенно рассуждал он, сидючи на обыкновенной дворовой завалинке.

Ну, посидел он так ещё с минуту-другую, подумал, да и решил себе крылья сделать, но непростые, а такие, чтоб на них можно было с обрыва, который над речкой возвышался, с разгону прыгнуть и взлететь. И это он правильно придумал, потому как, если что не так пойдёт, то он просто в речку с обрыва свалиться, в воду бултыхнётся и всего-то делов. По крайней мере не расшибётся, как другие расшибались. А ведь до него были и другие, которые полетать хотели. Но только прыгали они не с речного обрыва, а с высокой колокольни да со скалистого утёса. И это неблагоразумие к беде приводило. Разбивались люди и калечились. И таких случаев в прошлые годы немало было, только ныне про них позабывали, хотя в своё время они тоже много шума наделали.

2

Вот и сейчас, Ермолка своим решением полетать аки птица, вызвал у людей, узнавших про это немалое смятение. И суждения их на этот счёт резко разошлись. Кто-то поддержал его:

– Давай, лети! Бог тебе в помощь... – говорили доброжелатели. А кто-то осудили и на смех поднял:

– Да куда же ты лезешь, недотёпа ты нерасторопный! Ведь ты же акромья как колокольцам языки подвешивать ничего больше и делать-то не умеешь! Смотрите-ка на него, а уж летать собрался... – потешались над ним такие злопыхатели.

– Ничего я вам докажу на что я способен! Уж что-что, а мастерить-то, я ловко умею! Уж я себе такие крылья сделаю, что сами птицы мне позавидуют! – лихо отвечал насмешникам Ермолка, да чтоб времени зря на разговоры не тратить за дело взялся.

Перво-наперво соорудил он из бечевы прочный силок. Поставил его в поле, положил в него приманку, а сам в кустах схоронился, да за бечеву дёргает, приманку пошевеливает. Пришёл момент и на эту нехитрую уловку сокол попался. Он как раз в это время там на дичь охотился.

Разглядел сокол с высоты сытную приманку да камнем вниз на неё кинулся. Тут и Ермолка подоспел, схватил его. И едва сокол у него в руках оказался, как он сразу же при-

нялся крылья его изучать, рассматривать да замерять. И всё очень осторожно, бережно делает, лишь бы вреда вольной птице не нанести. Всё осмотрел, всё просчитал, перышко к пёрышку, пушинка к пушинке. Взял у дьякона Кузьмы кусок бумаги-пергамент, перо с чернилами, и тщательно зарисовал устройство соколиного крыла. А сокола ясного, за его службу добрую, снedyю накормил, молоком напоил, да на волю выпустил.

Сокол птица быстрая, проворная, только с руки вспорхнул, как уже ввысь взметнулся. Но далеко не улетел, покружил над Ермолкой, покружил и назад вернулся. Сел рядом с ним на ветку, сидит, смотрит, что тот дальше делать будет, а Ермолка ему удивляется.

– Ты что же это не улетел? Иль я тебе по душе пришёлся? Видать ласково я с тобой обращался, раз ты меня оставлять не желаешь! А может, тебе угощенья мои понравились? – спрашивает его Ермолка да добродушно улыбается. А сокол в ответ лишь головой кивнул, крылья свои расправил, и клёкочет, словно сказать ему хочет. Мол, вот он я, гляди на меня! Делай, что задумал, а я тебе во всём помощником буду, но только уж больше не отпускай меня, ещё пригожусь!

Ну, Ермолка посмотрел на чудо такое, да и смекнул, что сокол тот птица непростая и что лучше будет его у себя оставить. Дал он соколу молочка попить, доброй едой его угостил, а сам за второе дело принялся. Собрался и в лес-поле пошёл, чтобы для своих крыльев найти легкий хворост

и сухую солому. Хворост на каркас употребить, а солому, чтобы перья заменить. Ведь перьев-то ему негде было взять, да и много их требовалось. Это же столько на такие большие крылья перьев нащипать надо, так никаких гусей и уток что по соседству паслись, не хватило бы. Хотя и паслось их тогда великое множество. Вот и пошёл он в лес-поле за соломой и хворостом.

А сокол-то за ним полетел. Летит и дорогу ему подсказывает, будто знает чего Ермолке в лесу надобно. Так и пробрились они до самого вечера. Сокол летал, места удобные Ермолке показывал, а тот только успевал, нужные ему хворостины подбирал, да солому в пучки складывал.

Вернулись они домой запоздно, усталые, но довольные. Всё что надо нашли, всё, что необходимо принесли. Ермолка по сусекам малость поскреб, еды кой-какой набрал, сам поел и сокола накормил. И уж так у них сегодняшней день удачно сложился, что подружались они не на шутку. И даже понимать друг дружку начали с полуслова с полуклёкота. Ну а перекусив, на ночлег устроились.

Ермолка жил один, свободного места в доме много было. А дом ему этот от родителей достался, сами-то они давно уже съехали. Отец у него человек военный был, и ему по службе пришлось на другое место перебраться, ну а матушка за ним последовала. Да так они на новом месте и остались. Ермолка же здесь один обосновался, а тут на тебе, у него вдруг сокол поселился. Так они теперь и зажили вдвоём. Утром

вставали да за работу брались. Ермолка крылья мастерил, скреплял их воском, жиром смазывал, примерял, да под свой размер подгонял. А сокол со стороны наблюдал и подсказывал, как всё лучше сделать. Подлетит к Ермолке да клювом на хвостину укажет, мол, такая здесь не годиться, замени. Иль пучок соломы ему подаст да посоветует, куда его понадёжней приспособить.

Вот так они совместно и трудились. Пять дней кряду работали, а на шестой получились у них крылья не хуже соколиных, только размером в насколько раз больше. Ну, сделать-то они их сделали, а теперь их ещё и испытать надо. И пошли они тогда на крутой берег к тому самому обрыву, который Ермолка заранее приглядел. А там их уже народ дожидается.

3

Заприметили люди, что Ермолка крылья несёт, вот враз и собрались, словно им кто подсказал, где он прыгать затеялся. Чутьё у нашего народа такое, что он уж тут как тут, когда где-нибудь что-то важное намечается. Стоят люди, смотрят, и ждут, как дела дальше развиваться начнут. Народу уйма прито пала, и кого тут только не было, все примчались. И соседская ребятня гурьбой нагрязнула, и бабки торговли с рынка вперемешку с лавочниками понабежали, и кузнец со всеми своими подмастерьями явился, и гончары руки в глине пришли, и даже батюшка Ферапонт с дьяконом Кузьмой пожаловал. Да почитай весь околоток собрался. Подзуживают Ермолку, подначивают-науськивают, обстановку накаляют, ажиотаж создают.

– Давай начинай! Прыгай! Чего тебе ещё надо! Кого ждёшь, Ермолка-Колокольчик! Иль ты только языком трезвонить можешь! – кричат ему, подстёгивают, поторапливают. А сокол так рядом с Ермолкой и держится, летает возле него, кружит, поддерживает его своим клёкотом, мол, не слушай их, не страшись, делай своё дело.

Ну а Ермолка не из пугливых, его заполошными криками не возьмёшь. Долго думать он не стал, крылья на себя нахлобучил, хорошенько прицелился, и давай разбегаться, руками махать. До конца обрыва домчал, сходу подпрыгнул, от зем-

ли оторвался, и полетел. Да непросто полетел, а воспарил, будто лебедь белая. Чего, конечно же, никто не ожидал. И уж как у него такое получилось лишь одному Богу ведомо. Не то ему ветер удачно подул, не то он крылья верно смастерил, а может и разогнался как следует. Но только воспарил он над рекой и летел аж целых три минуты.

Однако стоило ему ещё раз крыльями взмахнуть, чтоб повыше взобраться, как он тут же потерял равновесие и словно мешок с крупой вниз рухнул. Крылья у него сложились, и он в воду шлёпнулся. Ну а людям, что на обрыве собрались и на его полёт глазели, и этого с лихвой хватило, чтоб поразиться до бескрайности.

– Ну, надо же, вот ведь что учудил! Летел по-настоящему! Парил аки птица! Вон столько в воздухе продержался! А парень-то молодчина! Ох, и мастак, действительно чудесные крылья сделал! Да уж такое утворил! Ну, какой же он после этого Ермолка-Колокольчик, теперь он мастер Ермолай! – кричат ему люди с берега и руками машут, приветствуют.

А он побултыхался ещё чуток, от остатков крыльев, что намокли, потяжелели и ему мешали, избавился, да к берегу не торопясь направился. А сокол-то над ним так и кружит, летит, смотрит, чтобы Ермолка с пути не сбился, направляет его своим клёкотом. Ведь ему-то сверху лучше видно, куда плыть надо. Добрался Ермолка до берега, на сушу вылез, сокола поблагодарил и к людям пошёл. А те уже и сами к нему

бегут да на ходу кричат, судачат.

– Ну, какой же ты удалец! Вон что совершил! Ты теперь на весь белый свет прославишься! О тебе легенды слагать будут! – ликуют люди да радуются. И все такие довольные, все его поздравляют и даже батюшка Ферапонт с дьяконом Кузьмой ему улыбаются, один только он не доволен.

– Эх, мало я пролетел, ... хотелось-то побольше и подальше, ... жаль, ведь так ничего поглядеть-то и не успел... – сетует он, негодует, хотя у самого на душе и приятно, оттого что его так встречают и восхваляют.

А меж тем молва о нём уже впереди его бежит. Вскоре весь город только и делал, что про его полёт говорил. Уж что-то, а слухи-то у нас разносятся быстрее молнии.

Вот тут-то переполох и начался. И всяк человек по-своему эдакую нежданную новость воспринял. Кому-то она и замечательной показалась, а кому и крамольной. Многие его поддержали, и полёт одобрили. Однако многие же и порицали да супротив встали. Но вот молва дошла до царя-батюшки. А он сурово рассудил, долго собираться не стал и сейчас же велел всякую полемику прекратить.

– Хватит! Довольно! Более никаких разговоров о полётах вестись не должно! Такие кривотолки вредны и опасны! Живо запретить! А то, ишь, подняли переполох! Раскудахтались словно куры на базарной площади! Так глядишь и до бунта недалеко! А этого паренька, что без моего ведома летать осмелился, прогнать подальше от города! Нечего ему народ

баламутить! – распорядился государь и со зла аж ножкой топнул-прихлопнул.

А уж коли царь-батюшка повелел, да ещё столь грозно, то такое приказанье надобно немедленно выполнять. И кинулись слуги царские порядки наводить, да всякого кто про тот полёт помянёт кнутами бить, а кому и острогом пригрозили. Разумеется, переполох сразу же на убыль пошёл. Народ после такого предупреждения вмиг притих, успокоился, и на Руси вновь замирение началось, сплошь тишь да гладь и полное молчание.

Все ходят, нос друг от друга в сторону воротят, вроде как ничего и не случилось. Ну не любят у нас разные новшества да светлые идеи, наверное, потому-то мы до сих пор так и живём по старинке. Мало знаешь, лучше спишь, говорят у нас, да и остаются в полном неведение и спокойствии. Но вот только Ермолка никак успокоиться не желал, не в его это натуре. Он уже познал радость первого полёта, и теперь ему хотелось его повторить.

– Кто хоть раз вкусил неба, тот уж никогда от него не отступится! – смело рассуждал он, и продолжал готовиться к новым свершениям. Однако не тут-то было, вскоре к нему пожаловали царские стражники, и сходу зачитали строгий государев указ. В коем чёрным по белому говорилось, что ему Ермолке-баламуту, велено прекратить летать, а главное, чтобы народ к смуте не склонялся, и переполоху в стране более не делать, ему надлежит немедленно покинуть город

и отправиться на все четыре стороны, иначе не миновать кары жестокой. Выслушал Ермолка сей указ и понял, что делать нечего, супротив царской воли не пойдешь, а плетью обуха не перебьешь.

Сел на завалинку загрустил и решил подчиниться. А душа-то у него по-прежнему в небо рвётся. Посидел он так, погоревал, покручинился, и пошёл к батюшке Ферапону просить благословения на дальнюю дорогу да на постройку новых крыльев. Приходит к нему и говорит.

– Прости ты меня отче, ... ну не могу я царский указ выполнить, ... зовёт меня небо ясное, ... манит со страшной силой, ... летать мне хочется! И пусть государь мне карой жестокой грозиться, и пусть в острог посадит, но не видать мне света белого, если я хоть ещё разок в воздух не поднимусь! Дозволь мне батюшка опять судьбу испытать, крылья сделать и в небо светлое слетать, ... что скажешь отче? как мне дальше быть? ... – спрашивает он его, да на добрый совет надеется.

А надо заметить, что Ермолка не зря к батюшке Ферапону обратился, ведь тот для него после того как родители съехали, стал вместо отца родного и всегда помогал.

– Ну что я тебе могу сказать, сын мой, ... не на простую дорожку ты встаёшь, ... и хотя, казалось бы, надо мне тебя отговаривать от такого поступка, но не стану я этого делать, а наоборот подскажу, как поступить тебе вернее. Ну, вот ты сам подумай, что толку коли ты снова себе крылья сдела-

ешь, ... ну сделаешь ты их, ... ну пролетаешь ты ещё немного, да потом опять грохнешься! А то и ещё хуже, расшибёшься да покалечишься, на том и кончатся все твои полёты, ... а дальше что? Ходить кривоногому да грустить? Нет уж, ... не надо нам такого! А вот давай-ка я тебе кое-что подсказу, а ты уж дальше сам понимай, как тебе быть! Живёт за хвойным лесом, в дальней пустоши, среди Седых гор один очень загадочный старец-отшельник. Зовут его Серафим. Он мудрый хранитель славных традиций и знаний наших древних предков. Обитает он там с незапамятных времён и помнит ещё те века, когда на Руси селилось необыкновенное племя людей-птиц. А называли их так, потому что умели они летать. И уж как они этого добивались, сейчас никто не знает. Толи они себе крылья приделывали, толи ещё, каким образом в воздух поднимались, ... о том ныне ничего неизвестно. Однако то, что парили они в небесах наравне с птицами это весьма известно. И про это даже есть запись в старинных летописях. Так вот, старец тот Серафим знает много всяких тайн и секретов о способностях тех необыкновенных людей. А ещё сказывали он когда-то и сам вместе с ними летал. Только об этом говорили так давно, что я тогда лишь ещё под стол пешком ходил, да тайком про это подслушивал. А подслушивал потому, что в те времена о старце том принято было говорить шёпотом. Вот насколько он загадочен! Ну, теперь понимаешь, о чём я тебе толкую? – резко сделав паузу, вдруг спросил батюшка Ферапонт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.